

### ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЕДУЩАЯ ЦЕЛЬ ИДЕОЛОГИИ (Рец. на кн.: *Макарова Л. М. Идеология нацизма* / Л. М. Макарова. – Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2005. – 174 с.)

Л. И. Гришаева

*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 1 сентября 2017 г.

В лингвистической исследовательской практике бывают случаи, когда лингвисту, чтобы найти убедительные ответы на вопросы относительно особенностей использования языка в тех или иных условиях, необходимо обращаться к данным других наук. Сегодня это положение дел не является, по понятным причинам, редкостью – ведь междисциплинарные штудии сегодня не нуждаются в особой популяризации.

Междисциплинарность теоретического подхода и/или ракурса лингвистического исследования либо использования приемов и методов анализа изучаемых единиц относится прежде всего к закономерностям гуманитарных наук, имеющих непосредственную связь и с использованием языка как средства познания и коммуникации, и с разнородными характеристиками человека как субъекта познания и коммуникации, реализующего разнообразные виды деятельности в разных условиях, и с условиями, в которых субъект осуществляет свою деятельность.

В подобных случаях лингвист принимает во внимание характер решаемых задач, особенности ситуации, в которой функционируют анализируемые языковые средства, изучаемые лингвистом тем или иным способом, а также мотивы деятельности коммуникантов. Другими словами, лингвисту приходится учитывать прежде всего и главным образом когнитивный, номинативный, дискурсивный аспекты рассмотрения изучаемой проблематики, поскольку учет именно этих параметров позволяет максимально полно принимать во внимание характеристики и деятельности, и ее результата, и субъекта этой деятельности, использующего для ее реализации те или иные средства – вербальные и/или невербальные, – чтобы решить некоторую коммуникативную задачу.

Наблюдение над разными видами дискурса в актуальном контексте позволяет обратить внимание на высокую частотность и разнообразный функциональный потенциал таких единиц, как *нацизм*, *национализм*, *фашизм* – *антифашизм*, *недочеловек*,

*расизм*, *особая раса* и им подобных, а также разных символов, жестов и лозунгов, устойчиво ассоциируемых носителями разных культур и языков с эпохой национал-социализма. Характерно, что единицы, приведенные в качестве примера, используются как в аксиологическом – позитивном или негативном для соответствующих идей – контексте, так и в нейтральном. И если негативный для националистических идей дискурс/контекст однозначно маркирует сложившееся – исключительно негативное – отношение к соответствующей идеологии, обозначая неприемлемые для человечества и мировоззрение, и социальную практику, согласующуюся с подобными идеями, то нейтральный контекст может оказаться опасным для тех, у кого нет своего рода иммунитета к нацизму. Поэтому для таких людей необходимо раскрывать сущность нацистской идеологии.

Появление в политическом дискурсе единиц, устойчиво связанных с нацистской идеологией, означает, что функционально нагруженными, особенно в политическом и общественно-политическом дискурсе, становятся единицы, чье первичное номинативное предназначение – обозначать понятия из нацистской идеологии. Между тем, требуется четкое осознание того, что в общественной практике активизируются сведения, степень дифференциации которых у разных субъектов познания и коммуникации может быть разной. Это в ряде случаев чревато многочисленными некорректными интерпретациями ситуаций, в которых используются соответствующие языковые средства.

Естественно, данное положение дел требует от лингвистов объяснения и, пожалуй, выработки (или участия в выработке) таких стратегий, реализация которых способствовала бы формированию устойчивого неприятия или отторжения человеконенавистнических идей теми, кто до сих не владеет знанием о сути нацистской идеологии, о манипулятивном потенциале соответствующих обозначений (языковых средств), жестики и символики, о вдумчивом обращении с ними в реальной практике.

Эти размышления приобретают особое звучание, если вспомнить о том, какие стратегии наиболее последовательно реализуются в политическом и медиадискурсах. Стоит особо вспомнить стратегии на демонизацию отдельных личностей и/или стран, деперсонализацию и дегуманизацию некоторых социальных групп, на дискредитацию личного опыта или пренебрежение этим опытом, на подмену понятий, на трансформацию информирования в манипулирование и др.

Высказанные соображения стали одним из побудительных импульсов, чтобы познакомить лингвистов с монографией Любови Михайловны Макаровой. Еще одной причиной является то, что рецензируемая монография представляет собой по форме и по сути междисциплинарное исследование, при выполнении которого Л. М. Макарова активно обращалась к примерам использования языка в разнообразных коммуникативных условиях коммуникантами с разными характеристиками. Кроме того, следует сказать, что теоретический фундамент вырабатывался в опоре на ряд публикаций, филологических по своему характеру и методике анализа эмпирического материала.

Рецензируемая книга имеет следующую структуру: введение (с. 4–25), четыре главы (с. 26–155), заключение (с. 156–158), библиографический список (с. 159–172).

Введение представляет собой изложение концепции, положенной в основу осмысления столь сложного и неоднозначного явления, как идеология нацизма. В процессе рассуждений автор-историк прибегает не только к исторической теоретической литературе, но и к филологической, психологической, социологической, искусствоведческой, философской. Традиционные научные методики дополняются новыми, в том числе и приемами анализа первичного материала согласно принципам устной истории. В книге право высказаться получают не только теоретики-аналитики, но и художники (в том числе кинорежиссеры, поэты, публицисты), так называемые простые люди, а также люди, знакомые с нацизмом по своему личному опыту (в том числе узники нацистских концлагерей), и люди без подобного опыта. Теоретически значимые обобщения формулируются не только в опоре на теоретическую рефлексия, но и с учетом субъективных мнений авторов мемуаров и художественных произведений носителей самых разных культур и языков.

Изложение результатов многоаспектного междисциплинарного исследования организуется концентрически, благодаря чему некоторые положения, наиболее существенные для осмысления явления, остаются на каждом этапе анализа проблематики в фокусе рассмотрения. Вместе с тем на разном содержательном фоне они обогащаются новыми характеристика-

ми, позволяющими представить изучаемое явление стереоскопически. Показательно, что автор монографии последовательно сталкивает перед читателем идеологические установки нацизма с практикой их реализации в разных социокультурных условиях. При этом повседневность концлагерей становится максимально наглядной и убедительной иллюстрацией практического воплощения обсуждаемых идей для любого читателя, даже для читателя предвзятого, настроенного на недоверие и к выводам ученых-гуманитариев, и к традиции осмысления фашизма, и к оценке национал-социализма международным трибуналом.

Введение открывается тезисом, который, с одной стороны, свидетельствует об актуальности предпринятого исследования, а с другой – дает понять исследователю актуального политического и медийного дискурса, почему в современном политическом, публицистическом и медийном дискурсе языковые средства, отсылающие к нацистской идеологии, становятся в разных культурных пространствах все более частотными: «Нацистские идеи имеют тенденцию к постоянному возрождению, и не только на германской почве. Нацизм разгромлен в военном отношении, ликвидирована его политическая система, несостоятельной оказалась экономическая программа, ориентированная на милитаризм и ограбление других народов. Единственное, что до сих пор сохраняет влияние, – это идеология вместе с механизмами ее воздействия как на сознание, так и на подсознание» (с. 4). Стремление объяснить «живучесть основных нацистских идей» (с. 4) автор монографии сопрягает с вопросами «не только о способах восприятия, но и об уровне нравственной устойчивости личности, оказавшейся в условиях высокой степени давления, о возможности сохранения этой личностью системы прежних гуманистических ценностей» (с. 4).

Сущность идеологии Л. М. Макарова трактует как систему ценностей, содержащую такие показатели, «которые в совокупности обозначаются понятием «философия истории» и отвечают на вопрос о смысле, закономерностях и основных направлениях исторического процесса в его пространственном и временном измерениях. Однако в центре истории всегда стоит человек, и с социально-философской точки зрения содержание идеологии организуется вокруг основной проблемы – объяснения мира и человека в этом мире. Последнее не только представляет человека в качестве объекта наблюдения, но и подразумевает также его собственную оценочную позицию. Помимо этого, человек рассматривается в двух парадигмах – социальной и экзистенциональной, поскольку его внутренний мир не всегда симметричен обстоятельствам жизни» (с. 4).

Будучи сложной структурой, идеология предполагает не только содержание (т. е. отдельные идеи и их совокупность), но и практику их воплощения (т. е. программу), а также способ внедрения идей в общество (пропаганду). В дополнение к перечисленным компонентам Л. М. Макарова называет и синтезирующий показатель – механизм конструирования системы.

Нацистскую идеологию автор книги рассматривает в единстве проблем ее создания, функционирования и восприятия, принимая во внимания широкий спектр источников: письменные (книги нацистских лидеров, брошюры, газетные публикации, программу партии, выступления и др.), изобразительные (графические, художественные, жесты, ритуалы, кинофильмы), вещественные (предметы, в том числе флаги, униформу, свастику, орел, меч, дубовые листья и т. п.).

В качестве трех основных источников нацистской идеологии называются программа НСДАП/NSDAP, книга А. Гитлера «Моя борьба» и книга А. Розенберга «Миф двадцатого столетия» (с. 5–6). «Системообразующим элементом программы», в которой в том или ином виде, явно или завуалировано, доминируют антисемитские идеи, Л. М. Макарова определяет расизм (с. 7). В книге А. Гитлера Л. М. Макарова вычленяет в качестве основных для нацистской идеологии две идеи – антисемитизм и «новый человек» (с. 7), в результате чего смысл имеет только расовая борьба, «в которой арийский человек должен или одержать победу и обеспечить величие Германии, или погибнуть» (с. 7). Описывая содержание третьего источника обсуждаемой идеологии, Л. М. Макарова полагает, что А. Розенберг излагает событийную сторону вопроса, параллельно пытаясь теоретизировать (с. 8). При этом он стремится удержаться на позициях «беспристрастного интерпретатора существовавших в истории религиозных культов», рассуждая об «арийской душе» как особой субстанции, определяющей национальную специфику» (с. 8).

Автор монографии отмечает в нацистской идеологии также иррациональные и эзотерические компоненты (с. 18 и далее), призванные усилить воздействие нацистской идеологии на массовое сознание.

Довольно подробно автор рецензируемой монографии останавливается на источниках, которые можно было бы характеризовать как дополняющие основные и позволяющие идеологии ситуативно адаптироваться к тому или иному периоду бытования последней. Автор обосновывает исследовательский интерес к мемуарам как значимому источнику об идеологии тем, что «нацистская идеология была ориентирована прежде всего на трансформацию человека, и значительную информацию о результатах

этого процесса можно получить из мемуаров как бывших нацистов, так и рядовых жителей Германии, особенно бывших узников нацистских концлагерей» (с. 13). Л. М. Макарова подчеркивает: «Вне зависимости от желания авторов в мемуарах подводится итог нацистским мероприятиям в области как создания, так и особенно функционирования идеологии» (с. 13). Мемуары также позволяют судить о механизмах соединения концептуальной и знаковой сторон идеологии, идеологии и повседневности, эмоционально-психологического и концептуального аспектов, поведенческих стереотипов и особенностей менталитета отдельных социальных групп.

Для историков, философов, социологов и психологов интересны будут результаты классифицирования теоретических источников, в которых под тем или иным ракурсом анализируется нацистская идеология. В самом общем виде Л. М. Макарова характеризует нацистскую идеологию во введении, более подробно – в отдельных главах. Для языковедов значимы данные об особенностях использования языка, в том числе и для манипулятивных целей (с. 21–23 и далее), а также размышления автора монографии о месте лингвистики в междисциплинарном историческом исследовании с опорой на понятие «текст». Последний автор монографии интерпретирует как систему, имеющую «знаковую природу и способ(ую) быть носителем смысловой информации» (с. 24).

В завершение введения Л. М. Макарова излагает свое представление о цели работы, ее структуре, характеризуя первую как «сложную систем(у), состоящ(ую) из нескольких подсистем, в свою очередь распадающихся на еще более мелкие составляющие. Условно это можно обозначить как единство идеологической суб- и суперструктуры. Таким образом, можно оценить уровень ее конституируемости, возможность перевода идей в иррациональную плоскость и роль знаковой системы в этом переводе» (с. 24).

Теоретические установки, пунктирно обозначенные во введении, детально и поэтапно обсуждаются в четырех главах, названия которых предельно точно отражают их содержание, помогая читателю ориентироваться в сложной проблематике.

Первая глава называется «Содержание, структура и методы конструирования нацистской идеологии» (с. 26–62). В ней концентрированно описываются сущность нацистской идеологии, а также способы ее конструирования и внедрения. Последующие главы раскрывают ведущие цели идеологии – интерпретацию человека, причем последний описывается в его разных ипостасях: человек с точки зрения истории в ее нацистском понимании (глава вторая «Нацистская

интерпретация истории» (с. 63–90)), человек социальный (глава третья «Идеологическое конструирование структуры нацистского общества» (с. 91–121)), человек экзистенциальный (глава четвертая «Нацистская концепция человека и методы ее реализации» (с. 122–155)).

Человек идентифицировался через его отношение к некоторой группе, сверх- и недочеловек определялся в зависимости от количества в нем арийской крови, но как элемент общности (с. 120). Автор рецензируемой книги приходит к следующему обобщению: «В создаваемом <...> обществе конкретный человек имел право на существование лишь в том случае, если полностью подчинялся идеологическим установкам, утрачивая индивидуальность» (с. 121).

Описав особенности человека в его разных ипостасях, как его конструирует нацистская идеология, Л. М. Макарова в итоге констатирует: «Нацистская модель человека оставалась, по существу, единой, поскольку одна и та же идеология не может создать условий для вариативности. Этим объясняется реальная тождественность критериев для сверх- и недочеловека. <...> Эта унифицированная модель помещалась в столь же унифицированное пространство <...> Происходило отчуждение человека от привычной связи поколений. В меньшей степени манипулирование касалось рядового населения, стандартизация которого имела ограниченные масштабы и в основном охватывала подрастающие поколения» (с. 155).

Одной из общих характеристик нацистской идеологии следует назвать такую: «НСДАП, подобно многим массовым популистским партиям, ориентировалась прежде всего на мелкобуржуазное сознание, для которого характерны эмоциональное восприятие, определенная диффузность с нечетким разделением рационального и иррационального, почти полное отсутствие критического чувства. Поэтому выдвинутые нацистами идеи отличались значительной степенью недосказанности, которая позволяла при незначительном усилии вывести их на трансцендентальный уровень. Постепенно иррационализм стал определяющим качеством в структуре нацистской идеологии» (с. 60).

Заключение, выполненное согласно существующим стилистическим канонам, обобщает результаты исследования и фокусирует внимание читателей на ряде положений, которые чрезвычайно важны и актуальны в сегодняшнем контексте – в том числе и для умонастроений разных социальных групп, а также для научного анализа общественно-политических текстов.

Заключение открывается констатацией особенностей нацистской идеологии, главной из которых Л. М. Макарова считает методы организации идей в единство. Такими методами признаются смещение

«у адресата идеологии прежних реалистических представлений о пространственно-временных связях» (с. 156), а также создание «мифологизированных параллельных пространств, охватывающих как живых, так и мертвых» (с. 156). Подчеркивая, что пространству в этой идеологии придается онтологическое значение, что опровергается система существующих границ, что суть истории – миф расы, автор констатирует: «Логике исторического развития противопоставляется агрессивное подчинение человеческого существования борьбе за отвлеченную идею. Главной целью нацистской идеологии является создание модели человека, максимально пригодного для реализации не ограниченного территориально нацистского “нового порядка”» (с. 156).

Выявляя в качестве итога исследования обратно пропорциональную зависимость хронологической отдаленности избранного идеала как от уровня рациональности выдвигаемой идеи, так и от возможности сознания ориентироваться на факторы, не присутствующие в реальном мире, автор рецензируемой монографии утверждает: «В тех случаях, когда идеальное прошлое практически не корректируется исторической памятью населения, происходит переключение восприятия на интуитивный уровень, и огромное значение приобретает знаковая система, которая помогает заполнять возникающие лакуны» (с. 156). Этим Л. М. Макарова объясняет искажение связей между теорией и практикой; а чтобы это несоответствие и/или противоречие не стало очевидным обыденному сознанию, названные связи иррационально опосредовались разнородными знаками.

Утверждая в качестве важного обобщения связь «нового порядка» и «нового человека» как располагающуюся в большей степени в подсознании населения, чем в реальном измерении, автор называет реальные идеи, на которых базировалась нацистская идеология: расизм, милитаризм, геополитика – каждая с собственным набором символом (с. 157). При этом расизм автор также характеризует как «вариант запрограммированной эмоции» (с. 157), а категории пространства и времени – как «архетипы, уже не ориентированные на современность» (с. 157).

Автор раскрывает и механизмы конструирования нацистской идеологии, в частности подмену идеи нации идеей расы, из-за чего «нацистская философия антиисторизма» (с. 157) временами приобретала «откровенно мистический оттенок», закрепляясь в формах публичной памяти (с. 157). Отсутствие рациональной целостности в идеологии нацизма Л. М. Макарова полагает одной из ее основных характеристик, однако иллюзорная целостность достигалась за счет космизма (с. 157).

Л. М. Макарова вычленяет наиболее значимые для личности черты: конкретный человек «имел право на существование лишь в том случае, если полностью подчинялся идеологическим установкам, утрачивая индивидуальность» (с. 157); «противник не имел конкретного лица», «личности как таковой не существовало»; «тщательно регулировался жизненный цикл человека, особенно его смерть и посмертная судьба» (с. 158). Сверх- и недочеловек, признаваемые в нацистских сочинениях, определялись по наличию в них арийской крови, «но тоже лишь как элемент определенной общности» (с. 158).

Подводя итог анализу книги, хотелось бы привести цитату о значимости языка при конструировании идеологии, как это подчеркивает автор книги: «Знаковость, особенно языковая, способствовала еще большему размытию идеологии, поскольку слово, как и любой другой символ, расшифровывалось в широком диапазоне значений. При переводе идей в натуралистический вариант возникает, с одной стороны, обеднение в знаковом смысле, а с другой – расширение этого смысла за счет вмещения в один-единственный символ всего объема нужных идеологических клише» (с. 158).

Сказанное, очевидно, обусловлено, с одной стороны, спецификой нацистской идеологии, с другой – практикой апелляции к отдельным, нередко ключевым, понятиям этой системы взглядов в политическом дискурсе. Последнее крайне важно учитывать при анализе дискурса и порождаемых в нем текстов, так как функциональный потенциал анализируемой системы взглядов амбивалентен. Во-первых, языковые средства, обозначающие понятия и/или основные тезисы нацистской идеологии, традиционно используют коммуниканты с разными параметрами либо для характеристики абсолютного зла в разных типах ситуаций, в том числе в официальной обстановке (интервью, дискуссия, дебаты, комментарий, разные типы научной коммуникации) или в процессе бытового общения, либо для выражения крайне негативного отношения к единичному или коллективному субъекту. Во-вторых, соответствующие компоненты идеологии оказываются в современных условиях по тем или иным причинам востребованными разными группами.

Монография Л. М. Макаровой заслуживает того, чтобы с ее выводами ознакомились не только историки, но и специалисты-гуманитарии разного профиля, в том числе и лингвисты. Это обусловлено тем, что в актуальных медиатекстах и в актуальном медиадискурсе обсуждаемые идеи все чаще получают права гражданства и что их активизация осуществляется разными способами. Поэтому так важно формировать умение распознавать, как в

дискурсе осуществляется апелляция к человеконенавистническим идеям, чтобы своевременно распознать зарождающуюся в обществе угрозу гуманистическим идеалам. Лингвисты несут в этом отношении особую ответственность, так как язык, которому имманентно присуща социальная власть, является особо чутким и мощным средством воздействия на сознание, мировоззрение не только каждого отдельного человека, но и на формирование картины мира коллективного субъекта познания и коммуникации.

Этот лингвистически важный тезис – правда, в иной форме – автор монографии Л. М. Макарова отстаивает уже в аннотации к своей книге: «Внимание уделяется знаковой стороне идеологии, интерпретации в ней смысла и закономерностей исторического процесса в пространственном и временном измерениях. Однако в центре этой идеологии, как и любой другой, остается человек» (с. 2).

В качестве одного из механизмов внедрения нацистской идеологии использовались языковые средства, в частности регламентирование имени для нивелирования индивидуальности (с. 93 и далее). Автор книги останавливается на процессах девальвации языка, выявленной исследователями (с. 94 и далее), а также раскрывает основания для функционирования языка как средства «расчленения общества по расовому признаку» (с. 100 и далее).

Таким образом, учитывая актуальный гуманитарный контекст во всем многообразии его проявлений – в том числе и в особенности политического и медийного дискурса – следует обратить внимание на своевременность появления подобного исследования в условиях, когда люди, по своему личному опыту знакомые со смертельной опасностью нацистской идеологии, ушли или уходят из жизни, а юные поколения могут быть подвержены манипулятивному воздействию. В результате нацистские идеи могут интерпретироваться либо как не опасные для человечества, либо как якобы равноправные с иными типами идеологий, либо даже как привлекательные и объясняющие современный мир, либо как давно устаревшие и более не актуальные. Рецензируемая книга раскрывает механизмы конструирования и самой идеологии, и картины мира коллективного субъекта и трансформации картины мира единичного субъекта под влиянием пропагандистского влияния националистических идей.

Поэтому нет сомнения в том, насколько актуальной является тщательный анализ нацистской идеологии в современном контексте.

Востребованность рецензируемого издания в гуманитарной исследовательской среде объясняется еще и тем, что «Идеология создает основу для про-

пагандистской стратегии власти по созданию позитивного образа проводимой ею политики и стимулирует политическое поведение масс. Для власти политическая идеология служит важным фактором легитимации ее действий, обосновывает ее право управлять обществом и реализовывать ту или иную стратегию» (с. 62). Для некоторых современных обществ сформулированные закономерности являются убедительным объяснением практики, либо уже внедрен-

ной в жизнь, либо более или менее последовательно внедряемой на наших глазах.

Следовательно, дискуртологи, изучая языковые средства, с помощью которых реализуются дискурсивные стратегии в тех или иных условиях, получают теоретический инструмент, позволяющий осмыслить выбор коммуникантом одного конкретного средства из множества изофункциональных в определенных дискурсивных условиях.

*Воронежский государственный университет  
Гришаева Л. И., доктор филологических наук,  
профессор кафедры немецкой филологии  
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru  
Тел.: 8 (473) 220-84-58*

*Voronezh State University  
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the  
German Philology Department  
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru  
Tel.: 8 (473) 220-84-58*